

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-325-327

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ИЛЬИН Роман Юрьевич,
магистрант кафедры правового
регулирования экономической деятельности,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия,
e-mail: ramzes1627@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЕЙНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных проблем договорного регулирования семейных отношений в условиях правовых реалий 2025–2026 гг. Автор исследует теоретическую дихотомию понятий «соглашение» и «договор», выявляет дефекты судебной квалификации категории «крайне неблагоприятное положение». На основе синтеза отечественного и зарубежного опыта (США, Франция, Австралия) предлагаются механизмы укрепления стабильности семейных контрактов. Особое внимание уделено цифровым активам и защите прав лиц в фактических брачных союзах.

Ключевые слова: брачный договор, семейное право, крайне неблагоприятное положение, цифровые активы, фактический брак, автономия воли.

ILIN Roman Iurevich,
Undergraduate student of the Department
of Legal Regulation of Economic Activity,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia

PROSPECTS FOR THE TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF FAMILY AGREEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: A COMPARATIVE LEGAL CONTEXT

Annotation. The article is devoted to the analysis of topical problems of contractual regulation of family relations in the legal realities of 2025–2026. The author investigates the theoretical dichotomy of the concepts of “agreement” and “contract”, identifies defects in the judicial qualification of the category of “extremely unfavorable situation”. Based on the synthesis of domestic and foreign experience (USA, France, Australia), mechanisms for strengthening the stability of family contracts are proposed. Special attention is paid to digital assets and the protection of the rights of persons in de facto marriage unions.

Key words: prenuptial agreement, family law, extremely unfavorable situation, digital assets, de facto marriage, autonomy of will.

Актуальность темы исследования продиктована стремительной трансформацией структуры имущественных активов современной семьи и объективным запросом на расширение диспозитивных начал в национальном семейном праве. В условиях правовой реальности 2025–2026 гг. традиционные, императивно заданные модели раздела имущества все чаще уступают место индивидуальному договорному регулированию. Однако сложившаяся судебная практика демонстрирует отсутствие единого концептуального подхода к оценке действительности

таких сделок, что порождает правовую неопределенность и требует выработки новых законодательных ориентиров. Целью настоящей статьи является обоснование предложений по совершенствованию Семейного кодекса РФ на основе критического анализа отечественной доктрины и адаптации прогрессивного зарубежного опыта.

Системное изучение норм семейного законодательства позволяет выявить глубокую иерархическую зависимость между ключевыми категориями отрасли. Представляется обоснованным утверждение, что «соглашение» выступает родо-

вым понятием, охватывающим любые согласованные волеизъявления субъектов семейных правоотношений — от алиментных обязательств до определения места жительства несовершеннолетних детей. В этой системе договор занимает место наиболее формализованной, преимущественно имущественной разновидности соглашения [1]. В отличие от классических гражданско-правовых сделок, семейное соглашение обладает специфической фидуциарной природой. Здесь автономия воли сторон имплицитно ограничена публичным интересом защиты экономически более слабого участника и сохранением стабильности семейного союза.

Особого научно-практического внимания в данном контексте заслуживает оценочная категория «крайне неблагоприятного положения», закрепленная в ст. 44 СК РФ. Судебная практика последних лет обнаруживает деструктивную тенденцию: суды зачастую признают брачный договор недействительным лишь на основании его существенного отступления от принципа равенства долей, характерного для законного режима собственности. Мы полагаем, что законный режим не должен восприниматься правоприменителем как императивный идеал справедливости при наличии зафиксированной воли дееспособных сторон. Для минимизации субъективизма необходимо конкретизировать данную норму на законодательном уровне. Предлагается установить, что признак дефектности сделки наступает исключительно в ситуации полного лишения одного из супругов права собственности на нажитое в браке имущество, если при этом у него отсутствуют иные источники дохода или жилые помещения для проживания.

В контексте расширения диспозитивного инструментария семейного права особую теоретическую и практическую сложность представляет вопрос о конкуренции брачного договора с иными семейно-правовыми соглашениями, в частности, с соглашением о разделе общего имущества супругов. В современной юрисдикционной практике нередко возникают ситуации «параллельного регулирования», когда стороны, стремясь к максимальной детализации своих имущественных отношений, заключают серию взаимосвязанных сделок. Подобная фрагментация правового режима активов создает риск противоречивости условий, что в ситуации конфликта интерпретируется судами через призму ст. 10 ГК РФ как злоупотребление правом. Мы полагаем, что брачный договор должен рассматриваться как комплексный акт, обладающий приоритетом над разовыми соглашениями о разделе имущества, если последние затрагивают те же объекты гражданских прав. Отсутствие в СК РФ четких

правил о соотношении различных форм договорного регулирования порождает правовой вакуум, который зачастую заполняется судебным усмотрением, не всегда учитывающим истинную волю контрагентов. Данная коллизия требует введения законодательной презумпции единства договорного режима имущества супругов, согласно которой условия брачного договора поглощают положения иных соглашений, если иное прямо не предусмотрено сторонами. Такой подход позволит исключить искусственное дробление имущественной массы и обеспечит предсказуемость правовых последствий для кредиторов, чьи интересы зачастую страдают от «каскадного» заключения супругами нескольких взаимоисключающих сделок.

Развитие доктрины семейного права к 2026 году также требует переосмысления механизмов судебного контроля через призму зарубежных превентивных моделей. Анализ юрисдикций США, в частности штата Калифорния, позволяет выделить эффективный инструмент — семидневный интервал между предоставлением окончательного проекта контракта и его фактическим подписанием [2]. Введение подобного «периода раздумья» в российское законодательство позволило бы практически полностью исключить фактор психологического давления или внезапности принятия решения в момент заключения сделки. Более того, целесообразно рассмотреть вопрос об обязательном участии независимых консультантов для каждой из сторон, что в австралийской практике выступает абсолютным гарантом осознанности отказа от законного режима общности активов.

Не менее показателен французский опыт, характеризующийся развитым механизмом обеспечения интересов третьих лиц (кредиторов). Французский законодатель устанавливает строгий регламент транспарентности: ключевые условия брачного контракта подлежат фиксации в специализированных реестрах, что делает имущественный статус супругов прозрачным для участников оборота [3, с. 160]. В условиях российского рынка, где сокрытие активов через брачные договоры становится проблемой для банковского сектора, создание открытого информационного реестра семейных соглашений видится своевременным и необходимым шагом. Это позволит обеспечить баланс между частной тайной семейной жизни и стабильностью гражданского оборота.

Трансформация самой природы имущества в цифровую эпоху ставит перед семейным правом новые вызовы. К 2026 году цифровые активы — криптовалюты, NFT-токены, права на коммерческие аккаунты — стали неотъемлемой частью

семейного капитала. Отсутствие в текущей редакции СК РФ механизмов идентификации и раздела таких прав создает почву для злоупотреблений. Мы обосновываем необходимость закрепления в законе обязанности сторон по раскрытию информации о наличии цифровых активов на стадии заключения договора. Умышленное сокрытие подобных сведений должно квалифицироваться как основание для последующего оспаривания соглашения. Это приблизит российский подход к практике англосаксонских стран, где детальное декларирование имущественного статуса в приложениях к договору является императивным требованием.

Параллельно с этим, современные социальные тенденции диктуют потребность в легализации имущественных соглашений лиц, находящихся в фактических брачных отношениях (сожительстве). В настоящее время участники таких союзов в России вынуждены использовать не вполне подходящие конструкции гражданского права (долевою собственностью, дарение), что не обеспечивает должного уровня защиты, особенно при наличии общих детей. Обращение к опыту Швеции и Австралии в части регулирования «*de facto relationship*» позволяет предложить введение в СК РФ глав, легализующих соглашения о совместном проживании. Это позволит партнерам самостоятельно определять режим нажитых активов, не дожидаясь государственной регистрации брака, что в конечном итоге повысит социальную защищенность наиболее уязвимых членов общества.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что современный брачный договор перестал быть лишь инструментом раздела собственности. Это сложный механизм правового планирования семейной жизни, соединяющий в себе несколько режимов принадлежности активов (совместный, долевой и раздельный).

Дальнейшее развитие данного института в Российской Федерации должно следовать вектору укрепления автономии воли при одновременном совершенствовании процедурных фильтров. Предложенные изменения, включая дополнение ст. 41 СК РФ требованием о семидневном интервале перед подписанием и расширение предмета договора за счет организационных условий (несение семейных расходов, образование детей), позволят трансформировать брачный контракт в полноценную «семейную конституцию», обеспечивающую правовую определенность и предупреждение конфликтов в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

- [1] Титаренко Е. П. Понятие и виды соглашений в семейном праве // Семейное и жилищное право. — 2014. — № 4. — С. 21–24.
- [2] Хазова О. А. К вопросу о брачных договорах и брачных соглашениях за рубежом // Закон. — 2020. — № 10. — С. 158–164.
- [3] Мамазакиров Р. У. Институт брачного договора: правоприменительная практика в Кыргызской Республике и опыт зарубежных стран // Вестник РГСУ. — 2020. — № 2 (22). — С. 62–68.

References:

- [1] Titarenko E.P. The concept and types of agreements in family law//Family and housing law. — 2014. — № 4. - S. 21-24.
- [2] Khazova O. A. On the issue of marriage contracts and marriage agreements abroad//Law. — 2020. — № 10. - S. 158-164.
- [3] Mamazakirov R.U. Institute of Marriage Contract: Law Enforcement Practice in the Kyrgyz Republic and the Experience of Foreign Countries// Bulletin of the Russian State Social University. — 2020. — № 2 (22). - S. 62-68.

